

Расстрелянная мечта

Говорят, что талантливый человек талантлив во всём. Лёнька в своей большой семье росла мастером на все руки. Эта девочка с малых лет умела вязать, ткать, вышивать крестиком и гладью, плести верёвки, корзины, лапти, штопать дыры в одежде так, что никто не мог догадаться, что они там когда-то были. В свои тринадцать лет она получила в деревне прозвище Модистка, потому что шила одежду не только для себя и своих домочадцев, но и брала заказы у соседей. Работой Модистки все были очень довольны. Уж больно ответственно и аккуратно юная портниха создавала всё, за что бралась. В платьях от Модистки щеголяли её старшие сёстры и их подруги (для них родители покупали отрезы модных тканей), а Лёнька из оставшихся кусочков мастерила комбинированные вещи для себя и была всегда красиво одета. Но не только одежда привлекала к девочке внимание окружающих. У Лёньки сформировалась фигурка взрослой девушки – всё было при ней: точёные ножки, тонкая талия, налитые, как яблочки, грудки, роскошная коса до пояса. Природа постаралась вырисовать её черты лица безупречно женственными. Волосы русые, а брови и ресницы чёрные, как крылья ласточки. Однажды парни на спор обвинили Лёньку в том, что она чернит свои брови сажей, и вымыли ей лицо, насильно удерживая её руки за спиной. Девушка при этом весело смеялась, потому что выиграла пари. Лёньку в деревне считали очень красивой, причём не только внешне. Девушка светилась красотой изнутри. Она умела улыбаться глазами так заразительно, что, казалось, разбрызгивает вокруг себя счастье. У неё всегда спорилась любая работа.

Отец Лёньки, Павел Лукич, любил брать дочку к себе в помощники, когда заготавливал дрова, сено корове. Девчушка запросто управлялась с конём (могла зауздать и ездить на повозках и верхом), умела косить траву.

В школе у Лёньки были только отличные отметки – ей легко давались все предметы, но со сверстниками она общалась мало. Девушке больше были интересны друзья её старших сестёр – Тони и Анфисы, которые принимали её в своё общество как равную. Благодаря старшим сёстрам Лёнька не пропускала ни одной танцевальной вечеринки (родители отпускали дочку под присмотром старших), где пользовалась большой популярностью у парней, красиво танцевала. Наблюдающим за её движениями людям казалось, что девушка во время танца обладает невесомостью, а её партнёры по танцам отмечали, что она в их руках лёгкая, как пёрышко. Желающих пригласить на танец малолетку всегда было больше, чем предостаточно.

Однажды приехавшая из города её двоюродная сестра дала надеть Лёньке на вечеринку свои туфельки – о таких можно было только мечтать. Так вот: за один танцевальный вечер Лёнька прокрутила дыры на обеих подошвах модной обувки. Она очень любила танцевать. Но не только танцы тянули юную красавицу на деревенские сборища молодёжи. Она летела туда на крыльях своей первой тайной любви. Первый парень на деревне, ровесник её старшей сестры Анфисы Степан был для Лёньки эталоном мужской красоты и доблести: коренастое, стройное, мускулистое тело, кудрявые, цвета пшеницы волосы, брови вразлёт, широкое, мужественное, всегда улыбающееся, приветливое лицо. Сердце трепетало птицей в девичьей груди, когда Лёнька замечала, что этот юноша смотрит в её сторону. А если Стёпка приглашал её на танец, девушка не чуяла под собой ног – до того легко с ним было танцевать. Каждый раз, провожая партнёршу к подругам, Степан возмущался, что музыкант играл мало, а однажды шепнул Лёньке на ушко, что он хотел бы, чтобы этот танец никогда не кончался. Лёнька свои эмоции держала при себе, понимая, что, если хоть чем выдаст своё неравнодушие к Степану, её посадят под домашний арест. Как она хотела быстрее стать старше! А Степан, будто читая её мысли, говорил: «Расти, Лёнька! Покуда вырастешь, я на холме у кривой берёзы дом выстрою, самый красивый в деревне, чтобы было куда тебя привести, когда замуж за меня выйдешь». Лёнька прятала свои счастливые глаза от людей, но у неё это плохо

получалось: счастье переполняло её и вырывалось наружу. Это волшебное чувство первой любви было с Лёнькой всегда. Чем бы ни занималась красавица, в мыслях она вальсировала со Степаном. Засыпая, девушка представляла их будущий дом на холме возле кривой берёзы, где она – сказочная принцесса, а Степан – принц. И даже объявление о начале войны (оно застало молодёжь деревни, когда они возвращались с танцевальной площадки) было бессильно омрачить мечты Лёньки. Девушка могла часами смотреть на возвышенность у кривой берёзы, представляя свой будущий дом, полный любви, света и счастья. Она нисколько не сомневалась, что немцы в их деревне Великое Поле – явление временное и что восемнадцать парней, среди которых был и Степан, ушедшие в партизаны все в один и тот же майский день 1942 года, скоро вернутся домой. Не было у Лёньки страха перед войной.

Отец Лёньки с первых дней работы подпольного райкома партии на Бегомльщине был связным у партизан. Он часто посылал своих дочерей с донесениями в партизанский отряд или с заданием получить какую-либо информацию о немецких формированиях в близлежащих населённых пунктах. Лёнька легко справлялась с его поручениями – она была рада выполняя задание отца, встретить Степана. Но, к её великому огорчению, отец в партизанский отряд чаще посылал сестёр, потому что Лёньке приходилось напряжённо работать со швейной машинкой: она ночи напролёт шила маскировочные костюмы из парашютной ткани, ремонтировала одежду, пекла вместе с матерью хлеб для партизан. Степан мог появиться в деревне только под покровом ночи, чтобы забрать в отряд еду или вещи.

Как-то осенней ночью Лёнька услышала стук в окошко. Когда она поднялась с постели, отец уже с кем-то разговаривал, вернее, ругался. Лёнька приклеила своё ухо к отверстию в дощатой перегородке и поняла, что он ругает Степана за то, что тот пришёл к ним домой без особой надобности. Степан сказал отцу, что завтра у него сложный день. Он не знает, чего от этого дня ждать, и что, будучи неподалёку, зашёл, чтобы хоть одним глазком на Лёнечку взглянуть.

– Я тебе покажу Лёнечку! – ворчал отец. – Ещё раз сюда заявишься, пеняй на себя, мало не покажется! У меня две старшие дочери есть, на них заглядывайся, а Лёнька ещё ребёнок! Вон отсюда! Чтоб духу твоего не было!

Степан ушёл, а девичье сердце рыдало от досады, что не удалось перекинуться со Степаном ни словом, ни взглядом, и прыгало от радости, что пришёл Степан к ним в дом, чтобы с ней, с Лёнечкой, повидаться, и даже не побоялся отцу сказать об этом! Хотя этого нельзя было делать. Сейчас отец не допустит их встречи. Не такая она и маленькая, ей уже шестнадцатый год пошёл. Скорее бы повзрослеть! Она взяла в руки свою картину, на которой вышивала дом с резными ставнями на высоком холме у кривой берёзы, погладила её, поцеловала и уснула со счастливой улыбкой.

Весь следующий день в деревне было неспокойно. Было слышно, что совсем близко грохотала война. Все сидели по домам в тревожном ожидании чего-то страшного. И только Лёнька с мечтательной улыбкой на устах заканчивала работу над своей вышивкой. Дом её мечты уже существовал на холсте. «Интересно, – думала она, – будет ли похож этот дом на тот, который построит Степан?»

К вечеру звуки близкого боя утихли. Домашние укладывались спать, когда к Лёньке подошёл отец и попросил её выйти из дома для серьёзного разговора. Вдали от дома, ближе к лесу, стояли четыре конные повозки, возле них – отец и соседи – дед Кузьма и дед Василий. Отец обнял Лёньку и сказал, что сегодня вблизи деревни Пустоселье во время боя погибли наши ребята, партизаны. К нему поступили сведения, что завтра их трупы немцы решили повесить на столбах вдоль дорог. Наша задача: выкрасть у немцев, вывезти и захоронить тела убитых.

– Тётка Зоя разрешила взять свою кобылку только тебе, Лёнечка. Ты можешь отказаться ехать с нами, если тебе очень страшно. Решай сама. Но каждая повозка на счету.

Лёнька никогда не ходила на похороны – боялась мёртвых людей, но у неё даже мысли не было отказаться от задания.

Кобылкой тётки Зои Лёнька пользовалась частенько. Это была миниатюрная (по сравнению с другими лошадьми), рыжая, норовистая и очень умная лошадка – за время войны немцы три раза отнимали её у тётки Зои, но Рыжуха всякий раз возвращалась домой. Не каждый желающий мог зауздать Рыжуху. У Лёньки с этой лошадкой было полное взаимопонимание.

В обозе кобылка следовала строго за другими лошадьми, и Лёньке не надо было ею управлять. На возу под соломой лежали ящики с оружием... Ехали очень долго. Когда обоз остановился, отец приказал дочке остаться на опушке леса и в случае тревоги

кричать голосом вороны. Девушка повиновалась. Павел Лукич привязал Рыжуху к своей повозке, и все, кроме Лёньки, пошли дальше.

Было холодно и страшно. Лёнька услышала волчий вой и забралась на дерево. Небо запорошило снежком. Руки и ноги закоченели... Ожидание казалось вечностью... Обоз двигался очень тихо. Он появился в поле зрения Лёньки неожиданно. Павел Лукич шёпотом подозвал дочку к себе и, передав поводья Рыжухи ей в руки, сказал, что сейчас она должна вести кобылку под уздцы, глядя только себе под ноги.

– Не смотри, Лёнька, ни назад, ни вперёд. Тебе лучше не видеть тех, кто лежит на повозках, – сказал он.

Лёнька шла рядом с Рыжухой, глядя только себе под ноги. Кобылка казалась ей горячей, как кипяток. Тело девушки потихоньку отогрелось. Желая отвлечься от мысли, что она на своей повозке везёт трупы людей, Лёнька попробовала подумать о чём-то хорошем. Память девушки, как на киноплёнке, демонстрировала ей мгновение, где Стёпка поцеловал кисет, который она сшила и, украсив вышивкой, подарила парню. Она улыбалась, вспоминая, как мрачнело лицо Стёпки, если кто-нибудь успевал пригласить её на танец раньше него. Её преследовали счастливые, горящие, кричащие о своей любви глаза Стёпки. Но жестокая реальность не замедлила напомнить девушке о себе. Она почувствовала свои ноги в воде. Обоз двигался через речку по бревенчатому настилу из недавно спиленных деревьев. Ноги Рыжухи соскальзывали с круглых брёвен. Кобылка падала, вставала и шла дальше, волоча за собой страшный груз к месту захоронения. Валенки Лёньки насквозь промокли и отяжелели. Девушка со всех сил старалась идти как можно быстрее, чтобы не отстать от обоза. Наконец, обоз остановился.

Кромешная тьма этой ужасной ночи стала рассеиваться. Лёнька чётко различала неподалёку силуэты людей с лопатами и насыпь земли над свежевырытой братской могилой. Закрыв глаза, девушка обняла двумя руками Рыжуху, будто желая с помощью доброй лошади укрыться от происходящего... Подошёл отец, обнял дочку и попросил у неё прощения.

– За что? – недоумевала Лёнька. Отец нередко обижал домашних своей несдержанностью – за крепким словцом в карман не лез, но прощения никогда ни у кого не просил. Что это с ним?!

– Прости, доченька, старого дурака. Прошлой ночью Степан к нам заходил, хотел с тобой увидеться. Я не позволил, – сказал он, не глядя в глаза дочери.

Лёнька снова не узнала своего отца: «Он что, не против, чтобы мы со Стёпкой встречались?! Он считает меня взрослой? Не верю!»

Дед Василий попросил Лёньку отойти в сторонку и забрал из её рук поводья. Девушка глянула на свою повозку как раз в тот момент, когда дед Василь вёл Рыжуху под уздцы мимо неё. Её взгляд упал на мёртвую руку партизана, которая сжимала вышитый ею кисет... Лёнька не могла, не хотела верить своим глазам: на повозке вместе с другими окоченевшими трупами лежало безжизненное тело Степана...

С того ужасного дня долго никто не видел прежней Лёньки – девушка боялась мечтать... Прошли годы, прежде чем она снова смогла полюбить...

В этом году моя мама – ветеран ВОВ, связная бригады Железняка Тарасевич Леонида Павловна отметила свой 92 день рождения. 63 года она прожила в браке с моим отцом – замечательным человеком – ветераном ВОВ Тарасевичем Юльяном Клименьтьевичем. Им вместе удалось построить свой дом, полный любви, света и радости. Они вырастили шесть прекрасных дочерей. Но история о расстрелянной мечте юной Лёньки живёт в нашей семье и передаётся из уст в уста, из поколения в поколение.

Тарасевич Леонида Павловна, *2019 год*